Советская молодежь
г. Рига
15 ДЕК 1970

НАШ СОВРЕМЕННИК БЕТХОВЕН

(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА)

Около десяти лет тому назад выдающийся испанский виолончелист Пабло Казальс, вся жизнь которого — великий пример единства идеалов искусства и социальной борьбы (П. Казальс отказался от публичных выступлений на родине до тех пор, пока там властвует фашизм), предложил, чтобы каждый год в определенный день и час на всем земном шаре исполнялся финал Девятой симфонии Людвига ван Бетховена с заключительным хором «Обнимитесь, миллионы!».

Пусть эта несколько фантастичная, а, быть может, как в свое время и само искусство Бетховена, несколько преждевременная идея пока не осуществлена. Характерно другое — музыкант середины двадцатого века счел наиболее подходящим для одновременного исполнения всеми своими современниками сочинение Бетховена, со дня рождения которого завтра минует двести лет. Разве может быть более убедительное свидетельство жизненности и неувядающей силы искусства гениального немецкого композитора, с каждым днем раскрывающего нам все новые грани мысли и чувства?

Автор Героической симфонии, в которой слышится пульс Великой Французской революции 1789 года, дух «Марсельезы», сегодня нам ближе и понятней, чем тем мещанам, которые во время первого исполнения Третьей (1805 год) кричали: «Дам еще один крейцер, чтобы только перестали!», или тем, кто с менторским видом писал: «Публика и господин ван Бетховен, который сам дирижировал, в этот вечер остались недовольны друг другом; для публики симфония слишком трудна и длинна, а сам Бетховен слишком невежлив...»

Автор оперы «Фиделио», создатель образов свободолюбивых Леоноры и Флорестана, готовых отдать жизнь в борьбе с тиранией, нам дороже, чем отправленным в «великие походы» французским офицерам, которые через восемь дней после оккупации Австрии (ноябрь 1805 года) заполнили венский театр на премьере единственной оперы Бетховена.

Помыслы автора Пятой — симфонии судьбы — более всего сродни людям, совершившим величайшую после 1789 года революцию, низвергшим старый мир и строящим новый, людям, меняющим судьбы человечества. Ведь и он хотел «противиться», «взять за горло» неподатливую судьбу и как нигде праздновал победу над ней в своей Пятой.

Символичным считается легендарный жест великого мятежника, о котором рассказывает человек, присутствовавший при последних минутах жизни Бетховена: умирающий «открыл глаза, поднял правую руку и, вытянув вверх сжатый кулак, глядел строгим, угрожающим взглядом». Сжатым кулаком, направленным против зла, невежества, несправедливости, угодничества, была вся жизнь композитора. Именно в рвущемся вперед революционно-гуманистическом пафосе искусства Бетховена, этой, по словам Бернарда Шоу, гигантской волны человеческого духа, которую породила французская революция, мы находим близкое и родное для нас. Именно в этом неуемном стремлении к лучшему, к счастью, «к радости», в высшем шиллеровском понимании этих слов, А. Луначарский усматривал близость Бетховена искусству социализма.

Мысль, высказанная А. Луначарским в речи, произнесенной в связи со 150-летием со дня рождения Бетховена, целиком звучит так: «Бетховен ближе к грядущему дню, Бетховен более интимный сосед искусству социализма, чем хронологические соседи последних десятилетий». В этом смысле жизнь и творчество «Шекспира музыки» могут служить нам маяком и сегодня. Мы, как пишет в другом месте А. Луначарский, «продолжатели Великой революции именно в Бетховене можем найти вождя и руководителя в царстве искусства».

Может быть, более всего это станет ясным, если мы, размышляя о современности и современниках, будем искать в их жизни и творчестве бетховенское начало. И найдем его у нашего современника Дмитрия Шостаковича.

Случайно или нет, но Бетховен и Шостакович не прожили и двух десятилетий, когда первого потрясли залпы по Бастилии, второго — по Зимнему Дворцу. Великие эпохи рождают великих художников. Они взошли от одних корней — корней прогрессивной мысли. О предках обоих анналы истории свидетельствуют, как о жертвах мракобесия и политического насилия: в 1595 году Йосина ван Бетховен, подобно многим демократически настроенным своим современникам, обвиненная в колдовстве, сожжена на костре; дед Шостаковича за антиправительственную деятельность царским самодержавием обречен на пожизненную ссылку. Они — сыновья не только своих эпох, но и своих народов. Бетховен был еще вынужден играть и сочинять по заказу и во славу графов и князей (хотя и бросил одному из них: «Князья были и будут тысячами, Бетховен — один»; в другой раз: «более мелкого, чем наши «великие», не существует»), но был глубоко убежден: «музыка — народная потребность». Он писал о мыслях и чувствах народа, использовал в своих сочинениях народные интонации (к слову, не только немецкие, но и, например, русские), писал для народа (и буквально — известны так называемые Медлингские танцы, написанные для венских уличных музыкантов, — и в переносном смысле, как сам композитор завещал, «от сердца к сердцу»). Лишним можно считать напоминание о том, что Шостакович своим творчеством ежечасно оправдывает свое высказывание: «Жизненным оказывается искусство, лишь глубоко связанное с интересами и чаяниями народа».

Величайшие симфонисты в истории музыкального искусства, они велики прежде всего своими крупными циклическими инструментальными сочинениями — симфониями, камерными ансамблями (главное место среди них занимают сонаты и квартеты), концертами. Именно в этих музыкальных формах они наиболее полно сумели высказать свою боль и радость, свои сомнения и надежды, свое осуждение злу и уверенность в торжестве добра. Это говорит о том, что они сумели подняться на самую высшую ступень музыкального-художественного мышления и обобщения, когда музыкальный образ настолько совершенен, что не нуждается ни в каком побочном (слово, хореография, программа) вспомогательно-разъясняющем средстве. Симфонии, квартеты, сонаты и концерты Бетховена и Шостаковича — потрясающей силы и правды картины и документы объективной действительности, созданные средствами субъективной художественной звукописи гениальных личностей.

Бетховен и Шостакович велики не только как художники-граждане, выразившие своими сочинениями наиболее глубокие, затаенные и сложные проблемы современности. Они велики как художники-новаторы, внесшие огромный, эпохальный вклад в развитие искусства. Можно утверждать, что в такой же мере, как Бетховен создал классический образец симфонии XIX века, Шостакович создал классическую форму симфонии XX века. Между этими двумя вершинами перекинута арка развития чуть ли не всего симфонического искусства. Если Бетховен, по крылатому выражению близкого друга композитора, получив «дух Моцарта из рук Гайдна», завершил чеканку классической симфонии и создал в зародыше последующий симфонический романтизм, то Шостакович, опираясь на «руки» Мусоргского, Малера, Чайковского, перенес дух Бетховена в наш век и, завершив развитие традиционной симфонии, создал базу для совершенно новых симфонических форм современного искусства.

Музыка Бетховена ныне звучит во всем мире, во всей нашей стране, в Риге обильней, чем когда бы то ни было. В юбилейные дни двухсотлетия со дня рождения композитора в Риге можно услышать все симфонии, трио, виолончельные и фортепианные сонаты, оперу «Фиделио» и многие другие сочинения Бетховена. И вспомним в эти дни еще раз слова А. Луначарского, которые сегодня так же свежи, как пятьдесят лет назад: «Бетховен нам слишком дорог, Бетховен слишком нужен народной России, стремящейся к коммунизму, чтобы мы могли ограничиться просто серией торжеств. ...Гений Бетховена в лучшем, что он оставил нам в своей музыке, будет жить, как некий благостный гений, готовый поддержать нас в трудную минуту, вдохновить нас, вознаградить нас улыбкой счастья».

Иоахим БРАУН,
кандидат искусствоведения